

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Аверьянова-Зайцева Д.А., Барави М.В., Рыжов И.В. Курдский фактор в ближневосточной политике Саудовской Аравии в контексте отношений с Ираком и Ираном // Конфликтология / nota bene. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.2.70540 EDN: RTVTWM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70540

Курдский фактор в ближневосточной политике Саудовской Аравии в контексте отношений с Ираком и Ираном

Аверьянова-Зайцева Диана Александровна

ORCID: 0009-0007-6540-4558

аспирант, кафедра истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

✉ averyanov_007@bk.ru

Барави Мелина Владимировна

ORCID: 0009-0004-6063-6948

соискатель, кафедра истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

✉ melinabaravi@gmail.com

Рыжов Игорь Валерьевич

ORCID: 0000-0002-6417-1517

доктор исторических наук

профессор, кафедра истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

✉ ivr@fmo.unn.ru

[Статья из рубрики "Региональные конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.2.70540

EDN:

RTVTWM

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2024

Дата публикации:

08-05-2024

Аннотация: Предметом исследования является сложная взаимосвязь между ближневосточной политикой Саудовской Аравии и курдским вопросом. Она включает в себя изучение отношений, стратегий и действий Саудовской Аравии в отношении курдских групп в регионе, а также факторов, влияющих на ее подход к этому вопросу. Объектом исследования, является ближневосточная политика Саудовской Аравии, то есть это анализ внешнеполитических целей, приоритетов и интересов Саудовской Аравии в ближневосточном регионе, с особым акцентом на то, как курдский фактор влияет на эту политику или пересекается с ней. Это включает в себя изучение дипломатических отношений, проблем безопасности и стратегических расчетов Саудовской Аравии по отношению к Ираку и Ирану, а также ее более широких региональных амбиций. Анализируя курдский фактор в более широком контексте ближневосточной политики Саудовской Аравии, авторы предлагают междисциплинарное понимание, которое соединит области политологии, международных отношений, ближневосточных исследований и курдоведения. Такой междисциплинарный подход позволяет более полно понять сложности, связанные с курдским вопросом, и его последствия для региональной повестки. Научная новизна состоит в том, что: 1. Представлен исторический анализ взаимодействия Саудовской Аравии с курдскими группами в регионе, проливающий свет на прошлую политику, альянсы и конфликты. Контекстуализируя текущие события в исторических рамках, статья предлагает ценную информацию об эволюции подхода Саудовской Аравии к самому курдскому фактору. 2. Оцениваются политические последствия особенностей саудовского подхода к курдскому фактору для региональной стабильности, безопасности, дипломатических и региональных международных отношений. Анализируя потенциальные последствия различных политических решений, статья предоставляет ценные идеи относительно эффективных стратегий управления курдским вопросом в более широких рамках ближневосточной политики. 3. Определенным элементом научной новизны является рассмотрение курдского фактора в более широком контексте ближневосточной политики Королевства Саудовской Аравии. Авторы предлагают междисциплинарное понимание, которое соединит области политологии, международных отношений, ближневосточных исследований и курдоведения. Такой междисциплинарный подход позволяет более полно понять сложности, связанные с курдским вопросом, и его последствия для региональных международных отношений.

Ключевые слова:

Саудовская Аравия, Иран, Ирак, курдский вопрос, Ближний Восток, региональная политика, США, Китай, Россия, этнический Курдистан

Актуальность темы исследования заключается в первую очередь в том, что курдское население проживает во многих странах Ближнего Востока, включая Ирак, Иран, Сирию и Турцию. Их стремление к автономии или независимости влияет на региональную стабильность и динамику власти. Понимание того, как Саудовская Аравия воспринимает и решает курдский вопрос в этом более широком геополитическом контексте, имеет

решающее значение для понимания сложностей региональной политики. Более того, Саудовская Аравия и Иран – это крупные региональные державы с конкурирующими интересами и влиянием на всем Ближнем Востоке. Курдский фактор добавляет еще один слой к их соперничеству, поскольку обе страны могут стремиться использовать курдские группировки для достижения своих стратегических целей. Анализ подхода Саудовской Аравии к курдскому вопросу в сравнении с ее отношениями с Ираном позволяет понять динамику этого продолжающегося соперничества.

Не стоит забывать, что также курдский вопрос имеет последствия для безопасности и стабильности на Ближнем Востоке. Напряженные отношения между курдскими группами и центральными правительствами, а также региональные конфликты с участием курдских ополченцев могут усилить нестабильность. Понимание того, как Саудовская Аравия воспринимает и учитывает курдский фактор при выработке своей политики, вносит вклад в оценку динамики региональной безопасности.

Методология и методы исследования. В качестве методологии статьи авторами использовался системный подход, применение которого обусловлено тем, что на формирование региональной политики Эр-Рияда оказывают влияние целый ряд социально-экономических, военно-политических и религиозно-этнических факторов. С помощью методов эмпирического и теоретического характера, таких как синтез и анализ, проанализированы основные проблемы, влияющие на систему региональной политики Королевства, в частности на отношения с Ираком и Ираном. В основе исследования лежат общенаучные методы – исторический подход и анализ научной литературы. Данные методы используются для установления исторических процессов, в рамках которых устанавливается архитектура принятия решения и их вес в процессе принятия внешнеполитических решений. Кроме того, на основе теоретического анализа данных (официальные сайты организаций, сообщения средств массовой информации и т. д.) дана объективная картина текущего состояния внутренних отношений среди курдов. В процессе работы над настоящим исследованием были использованы хронологический и структурный методы и сравнительный анализ, а также структурно-функциональный метод, которые позволили рассмотреть все составляющие ближневосточной подсистемы международных отношений как единую региональную подсистему, а также метод критической геополитики, который позволил отразить динамичный характер международных отношений на Ближнем Востоке.

Степень научной разработанности темы. Историографическую базу данного исследования составили труды зарубежных авторов. Данная проблематика находится на продвинутом этапе научной разработки, о чем свидетельствует обширный массив цитируемой литературы. Глубина и широта научного охвата свидетельствуют о тщательном исследовании сложностей, связанных с курдским вопросом в рамках региональной политики.

Ключевым вкладом в этот дискурс являются такие научные статьи, как, например, «Парадипломатия Курдистана в Ираке и курдская государственность» Аббаса Заде Юсефа и Кирманжа Шерко, в которой рассматриваются нюансы динамики стремления курдов к государственности и их последствия для региональной стабильности. С нашей точки зрения, ценным историографическим источником является такой труд Аль-Рашида Мадави «Саудовская Аравия и вызов американского вторжения в Ирак», который содержит достаточно глубокий анализ реакции Саудовской Аравии на геополитические сдвиги, проливая свет на ее позицию в отношении курдского вопроса на фоне меняющейся региональной динамики.

«Иракские курды и государственное строительство» Ахмеда Мохаммеда, предлагают глубокое исследование курдского стремления к государственности, давая ценное представление об исторических и современных аспектах курдской идентичности и политической самостоятельности. Современные перспективы также представлены в таких докладах, как «Иран и Барзани: ухудшение отношений и риск неизбежного столкновения?» Али Отмана и «Курдская независимость... страхи и предчувствия» Аль-Рашида Абдулрахмана предлагают актуальный взгляд на развивающуюся динамику между курдскими группами, Ираном и Саудовской Аравией. Эти материалы подчеркивают актуальность происходящих событий и их последствия для региональной стабильности и безопасности.

Введение

С самого начала операции «Буря в пустыне» в 1990 году и до свержения Соединенными Штатами режима Саддама Хусейна в 2003 году Саудовская Аравия выступала в качестве основного арабского союзника США в решении вопросов, связанных с Ираком и глобальной стабильностью. Однако, во время и после этого периода давление на американо-саудовские отношения в связи с необходимостью урегулирования ситуации в Ираке и противостояния Саддаму Хусейну достигло беспрецедентного уровня, особенно усугубленного последствиями террористических атак 11 сентября 2001 года и предстоящей американской интервенцией. Этот «особый» контекст американо-саудовских отношений в отношении Ирака впоследствии перешел в более обычную схему, когда интересы и стратегии обеих стран в отношении Ирака часто пересекались или сталкивались в зависимости от конкретных обстоятельств.

С момента образования Саудовской Аравии и Ирака после Первой мировой войны двусторонние отношения постоянно сталкивались с трудностями. Эпоха после Саддама Хусейна ставит новые проблемы, касающиеся нефтяной геополитики, влияния иракской демократии на Саудовскую Аравию, трансграничной религиозной динамики - особенно среди шиитского населения в обеих странах - и последствий поддержки Саудовской Аравии.

В сложном геополитическом ландшафте Ближнего Востока отношения с курдами имеют важное значение для Саудовской Аравии. Это стратегическое взаимодействие является многогранным и обусловлено сочетанием геополитических соображений, интересов энергетической безопасности и гуманитарных проблем. Одна из основных причин интереса Саудовской Аравии к развитию связей с курдскими группировками кроется в стратегических геополитических расчетах. Расположенная в регионе, отмеченном политической нестабильностью и конфликтами, Саудовская Аравия рассматривает курдов как потенциальных союзников в обеспечении стабильности и противодействии общим противникам. Поскольку курды контролируют территории, охватывающие части Ирака, Сирии, Турции и Ирана, Саудовская Аравия видит возможность установить партнерские отношения, которые могли бы обеспечить дополнительные рычаги воздействия и влияние на региональную динамику.

Идентичность курдов и вопрос их политического статуса

Курды, этническая группа, проживающая преимущественно в регионе, известном как Курдистан и охватывающем части Турции, Ирака, Ирана и Сирии, представляют собой одну из крупнейших в мире наций без гражданства с населением более 30 миллионов человек. Обладая отдельным языком, культурой и самобытностью, курды давно стремятся к самоопределению и автономии.

Центральное место в дискуссиях о курдах занимает «курдская проблема», охватывающая их длительную борьбу за признание культурных и политических прав, включая самоуправление и независимость. Исторически подвергаясь угнетению со стороны правительств Турции, Ирака, Ирана и Сирии, где они составляют значительное меньшинство населения, курдская проблема остается сложным и нерешенным вопросом, формирующимся под влиянием политических, социальных и этнических факторов.

Истоки курдской проблемы можно отнести к периоду после Первой мировой войны, когда Севрский договор обещал курдам создание независимого государства, но так и не был полностью реализован. Последующие события, включая создание современных национальных государств на Ближнем Востоке и курдские восстания в разных странах, еще больше подогрели стремление курдов к самоуправлению. Усилия по устранению недовольства курдов и достижению мирного урегулирования сталкиваются с серьезными проблемами, включая динамику региональной власти, геополитические интересы и внутренние разногласия внутри курдских общин.

Современное состояние курдской проблемы в разных регионах неодинаково. Например, в Турции она остается ключевым аспектом внутренней политики, а Рабочая партия Курдистана (РПК) ведет длительную повстанческую борьбу, добиваясь расширения прав и автономии курдов. Аналогичным образом, курды в Иране сталкиваются с репрессиями и ограниченным политическим участием, а в Сирии они стремятся к большей автономии на фоне сложностей сирийского конфликта.

Ирак представляет собой особый сценарий, где курды добились заметного прогресса на пути к автономии после создания Курдистана в 1992 году. Управляемый Региональным правительством Курдистана (РПК), автономный курдский регион сталкивается с постоянной напряженностью в отношениях с центральным правительством в Багдаде по поводу распределения доходов и территориальных споров. Сама история курдов в Ираке богата и запутанна, она охватывает века борьбы, стойкости и сопротивления угнетению. Их история начинается в древней Месопотамии, где курдские племена и кланы населяли регион, внося свой вклад в его культурный гобелен [Mansour, 2018, p.5]. В эпоху османского владычества курдские территории на территории современного Ирака управлялись полуавтономно местными вождями, известными как «паши». Несмотря на это, курды подвергались дискриминации и периодически поднимали восстания против османской власти.

После Первой мировой войны в регионе произошли значительные изменения. Как и упоминалось ранее, Севрский договор первоначально обещал курдам независимое государство, но это обещание так и не было выполнено. Вместо этого территория попала под британский мандат, а Ирак возник как национальное государство в 1921 году. Однако курды оказались на периферии общества в составе нового иракского государства, что привело к недовольству и спорадическим восстаниям против центральной власти.

На протяжении всего XX века курдские восстания против иракского правительства были постоянной темой. Среди них выделяется восстание 1946 года под руководством Мустафы Барзани, целью которого было создание независимого курдского государства. Несмотря на первоначальный успех, в конечном итоге восстание было подавлено иракскими войсками.

Самая разрушительная глава в истории курдов в Ираке произошла во время режима Саддама Хусейна в 1980-х годах. Кампания геноцида «Анфаль» была направлена против

курдских общин на севере Ирака, что привело к гибели тысяч людей и перемещению остального населения. Целью этой кампании было подавление восстания курдов и уничтожение их культуры и идентичности. Под эгидой операции «Анфаль» произошла серия массовых убийств, массовых депортаций и атак на курдские деревни и поселки. В рамках этих действий было убито от 50 000 до 100 000. Одним из самых известных и страшных инцидентов в рамках геноцида «Анфаль» является химическая атака на город Халабджа в 1988 году, в результате которой погибли тысячи мирных жителей, включая множество женщин и детей. Эта трагедия остается одной из самых крупных химических атак против гражданского населения в истории [Mansour, 2018, p.12].

Эпоха после Саддама принесла значительные изменения в курдский регион Ирака. После свержения режима Хусейна в 2003 году Иракский Курдистан получил фактическую автономию. Создание Регионального правительства Курдистана (РПК) официально закрепило эту автономию, предоставив региону собственный парламент, вооруженные силы и контроль над некоторыми территориями [Zeidel, 2018, p.49]. Однако, напряженность в отношениях с центральным правительством Ирака сохранялась, особенно по таким вопросам, как распределение доходов, спорные территории, такие как Киркук, и экспорт нефти.

Вопрос о Киркуке и экспорте нефти в Ираке имеет глубокие исторические корни, сформированные веками геополитических маневров и этнического соперничества. Стратегическое значение Киркука восходит к древним временам, когда он служил ключевым торговым узлом на Шелковом пути, соединявшем средиземноморский мир с Центральной Азией. В эпоху Османской империи значение Киркука росло по мере того, как империя расширяла свой контроль над Месопотамией, используя богатые запасы нефти в этом регионе. Однако современная нефтяная промышленность зародилась лишь в начале XX века, когда в 1920-х годах британские исследователи обнаружили в Киркуке обширные нефтяные месторождения.

Последующий раздел Османской империи после Первой мировой войны заложил основу для включения Киркука в состав новообразованного государства Ирак. Нефтяные богатства города стали средоточием конкурирующих интересов: британские, а затем и американские компании боролись за контроль над добычей и экспортом нефти. Этнические противоречия в Киркуке также сыграли значительную роль в формировании его истории. В городе проживает разнообразное население - курды, арабы, туркмены и другие этнические группы, каждая из которых имеет свои собственные претензии на этот регион. На протяжении XX века сменявшие друг друга иракские правительства проводили в Киркуке политику «арабизации», вытесняя курдские и другие неарабские общины. Стоит отметить, что курды, в частности, давно пытаются отстоять свои права в Киркуке, рассматривая его как неотъемлемую часть своей исконной родины. Курдские восстания против центральной власти в XX веке часто включали требования автономии и признания курдской идентичности в Киркуке. После падения режима Саддама Хусейна Киркук стал очагом напряженности между центральным правительством Ирака и Региональным правительством Курдистана (РПК). Споры о распределении доходов от продажи нефти, контроле над нефтяными месторождениями и статусе самого Киркука часто обостряли отношения между Багдадом и Эрбилем. В последние годы предпринимаются усилия по решению проблемы Киркука путем переговоров и заключения соглашений о разделении власти. Однако этнические, экономические и политические интересы, лежащие в основе этого вопроса, по-прежнему создают проблемы для поиска долгосрочного решения дилеммы Киркука и экспорта нефти в Ираке [Abbas Zadeh & Kirmanj, 2017, p.587].

В 2014 году возникновение Исламского государства Ирака и Сирии (ИГИЛ) представляло значительную угрозу стабильности Ирака, что заставило курдские силы Пешмерга, сыграть важную роль в борьбе с экстремистской группировкой. Эффективное сопротивление курдов против ИГИЛ укрепило их международный авторитет и подчеркнуло их роль в качестве ключевого союзника в борьбе с терроризмом.

Стоит отметить, что напряженность в отношениях между РПК и центральным правительством в Багдаде сохранялась, особенно по вопросам, связанным с доходами от продажи нефти (территории Киркука), территориальными спорами и политическим представительством. Проведенный в 2017 году референдум о независимости курдов еще больше обострил эти противоречия. Багдад отверг его результаты и ввел карательные меры в отношении РПК.

Несмотря на эти проблемы, курды сохранили свои позиции в качестве влиятельной политической силы в Ираке. РПК продолжает отстаивать свою автономию, одновременно участвуя в переговорах с Багдадом для решения нерешенных вопросов и обеспечения своего места в иракском государстве. По всему региону усилия по решению курдской проблемы требуют учета сложной геополитической динамики и укоренившихся интересов. Несмотря на серьезные проблемы, курды по-прежнему стремятся к самоопределению, что подчеркивает непреходящее значение курдского вопроса в более широком ближневосточном контексте.

Влияние курдского вопроса на динамику внешней политики Саудовской Аравии по отношению к Ирану

Между двумя региональными гигантами существует достаточно сложное и зачастую напряженное взаимодействие, которое обусловлено множеством исторических, религиозных, идеологических и геополитических переменных. Саудовская Аравия и Иран ведут давнее соперничество, которое берет начало в их полярных интересах регионального лидерства и в их межконфессиональных противоречиях. Иранская революция 1979 года, свергнувшая шаха и установившая исламскую теократию во главе с аятоллой Хомейни, усилила это соперничество и привела к возникновению Исламской Республики Иран. В целом, главной задачей иранской революции 1979 года было создание политической структуры с географическим расширением за пределы политических границ Ирана посредством процесса политического моделирования. Первые черты шиитской геополитики сформировались именно с победой иранской революции, которая была основана на характере религиозно-теократического режима. Необходимо отметить, что шиитская геополитика - это выражение шиитской географии, влияющей на международные отношения власти. Подталкивая шиитские общины к связям с иранским централизмом, а затем формируя растущую международную силу, Иран становится международным полюсом, стремящимся изменить международный порядок на основе многополярности. Иначе говоря, шиитская геополитика по сути является иранским геостратегическим проектом, отражающим природу геополитических предположений [Othman, 2017, p.6].

Анализируя саудско-иранские двусторонние отношения, необходимо отметить, что страны поддерживают противостоящие силы в региональных кризисах и втянуты в затяжную войну за влияние на всем Ближнем Востоке. Это соперничество принимает форму политических интриг, прокси-конфликтов и попыток повлиять на результаты значимых региональных событий. В качестве примера можно привести их соответствующие роли в гражданской войне в Сирии, в которой Иран поддерживает режим Асада, а Саудовская Аравия - повстанческие организации. События «арабской весны» в 2011 году и

последующие региональные беспорядки создали определенные трудности как для Саудовской Аравии, так и для Ирана. В то время как Иран видел возможности для расширения своего влияния на фоне смены режима и народных восстаний, Саудовская Аравия рассматривала эти события как угрозу своей собственной стабильности и стремилась противостоять иранскому влиянию.

КСА стремится уравновесить влияние Ирана посредством стратегических альянсов с региональными и международными партнерами-единомышленниками [Asli, 2016, p.23]. Совет сотрудничества стран Персидского залива (ССАГПЗ), в состав которого входят Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), служит платформой для коллективной безопасности и сотрудничества против предполагаемых угроз. Кроме того, Саудовская Аравия поддерживает прочные связи с Соединенными Штатами, которые разделяют обеспокоенность по поводу региональных амбиций и ядерной программы Ирана.

Политика Саудовской Аравии направлена на сдерживание влияния Ирана, изолируя его дипломатически, экономически и в военном отношении. Это включает в себя усилия по мобилизации международной поддержки санкций против Ирана, особенно в отношении его ядерной программы. Саудовская Аравия также стремится ограничить региональное влияние Ирана, поддерживая союзников и доверенных лиц, соответствующих ее интересам, таких как правительство Йемена в его конфликте против поддерживаемых Ираном повстанцев-хуситов. Иначе говоря, гражданская война в Йемене, начавшаяся в 2014 году, переросла в прокси-конфликт между Саудовской Аравией и Ираном. Саудовская Аравия вмешалась военным путем в поддержку международно признанного правительства против повстанцев-хуситов. Конфликт обострил напряженность между двумя региональными державами и способствовал гуманитарному кризису в Йемене.

Союз с Соединенными Штатами был выбором Королевства для борьбы с угрозой со стороны «иранского соседа», и он был эффективным и успешным в своей миссии, доказав взаимовыгодность для обеих сторон на протяжении десятилетий [Eilts, 2004, p.219]. Однако в последнее время Соединенные Штаты постепенно начали смещать свои стратегические приоритеты с Ближнего Востока. Нападения на нефтяные объекты Saudi Aramco в Абгайке и Хурайсе в сентябре 2019 года и безрезультатная реакция Вашингтона стали переломным моментом в восприятии безопасности Саудовской Аравии. Эр-Рияд осознал бесперспективность опоры исключительно на союз с США и активизировал усилия по диверсификации своих партнеров в сфере безопасности и военной сфере, включая укрепление сотрудничества в области безопасности с Китаем и Россией. И 10 марта 2023 года, в результате переговоров в Пекине, Саудовская Аравия и Иран достигли соглашения о восстановлении дипломатических связей и открытии посольств в течение двух месяцев. По сути, примирение с Ираном является проявлением этого относительного сдвига в саудовской доктрине безопасности, «безопасность в обмен на нефть». Восстанавливая отношения с Ираном, королевство надеется, что дипломатия поможет уменьшить его подверженность прямым иранским атакам, а также побочному ущербу, вызванному ухудшением американо-иранских отношений и взаимной военной эскалацией между Ираном и Израилем. Саудовско-иранская сделка имеет и коммерческий смысл: Эр-Рияд считает, что его безопасность крайне важна для того, чтобы не нарушить разведку, транспортировку и продажу нефти, а усилия Саудовской Аравии по снижению зависимости от экспорта нефти и диверсификации экономики создают новые модели региональных партнерств и соперничества, поэтому сейчас она пересматривает свои непростые отношения с Ираном, а также меняет вектор развития двусторонних отношений с Ираком, в частности с курдами. Саудовская Аравия стремится

уравновесить иранское влияние в регионе, и эта цель соответствует ее более широкой геополитической повестке дня. Иран исторически поддерживал тесные связи с курдскими группировками, особенно в Ираке и Сирии. Взаимодействуя с курдскими организациями, Саудовская Аравия стремится уменьшить влияние Ирана и не дать Тегерану дальнейшего расширения своего влияния в регионе. И соответственно, поддержка курдских интересов служит средством сдерживания иранского влияния и продвижения стратегических целей Саудовской Аравии.

Как уже было отмечено ранее, Саудовская Аравия стремится уравновесить иранское влияние в регионе, и эта цель соответствует ее более широкой геополитической повестке дня. Иран исторически поддерживал тесные связи с курдскими группировками, особенно в Ираке и Сирии. Взаимодействуя с курдскими организациями, Саудовская Аравия стремится уменьшить влияние Ирана и не дать Тегерану дальнейшего расширения своего влияния в регионе. Поддержка курдских интересов служит средством сдерживания иранского влияния и продвижения стратегических целей Саудовской Аравии.

После войны в Ираке в 2003 году Саудовская Аравия осторожно, но целенаправленно начала налаживать связи с Региональным правительством Курдистана (РПК), признавая геополитическое и экономическое значение Курдистана в эпоху после Саддама Хусейна. Изначально Саудовская Аравия подходила к ситуации с оговорками, но вскоре признала стратегическую важность развития отношений сотрудничества с курдами [Al-Rasheed, 2006, p.158]. Необходимо отметить, что данное сотрудничество было многогранным и охватывало различные сферы, среди которых важное место занимало экономическое сотрудничество. Признание Саудовской Аравией значительных запасов нефти в Курдистане побудило королевство приступить к масштабным инвестициям в курдские нефтяные месторождения. Эти инвестиции были не только значительными, но и стратегически важными, поскольку отражали намерение Саудовской Аравии получить долю в прибыльном курдском энергетическом секторе. Более того, Иракский Курдистан (ИК) (преимущественно Киркук) может похвастаться значительными запасами нефти, что делает его важным игроком на мировом энергетическом рынке. Признавая важность диверсификации энергетического партнерства, Саудовская Аравия стремится обеспечить доступ к курдским нефтяным ресурсам посредством расширения сотрудничества с курдскими властями. Такое сотрудничество не только способствует достижению долгосрочных целей энергетической безопасности Саудовской Аравии, но и укрепляет ее позиции на мировом энергетическом ландшафте.

Взаимодействие Саудовской Аравии с РПК выходило за рамки экономических интересов и включало в себя более широкие стратегические соображения. Королевство рассматривало Курдистан как потенциального союзника в регионе, чреватом политической нестабильностью и изменчивостью альянсов. Развивая связи с КРГ, Саудовская Аравия стремилась укрепить свое влияние в Ираке и на всем Ближнем Востоке, одновременно подстраховываясь от региональных противников.

Помимо экономических инвестиций, Саудовская Аравия активно поддерживала инфраструктурные проекты в Курдистане - от транспортных сетей до образовательных учреждений. Эти инициативы были направлены не только на стимулирование экономического роста, но и на содействие социальному развитию и стабильности, тем самым укрепляя позиции королевства в регионе. Кроме того, это взаимодействие было подкреплено тонким пониманием стремления курдов к автономии и самоопределению. Уважая территориальную целостность Ирака, королевство признавало законные политические права курдов и стремилось использовать их региональное влияние для

продвижения взаимных интересов.

В целом, сотрудничество между Саудовской Аравией и РПК представляло собой стратегическое согласование интересов, обусловленное экономическими возможностями, геополитическими соображениями и взаимным уважением. Благодаря своему многогранному взаимодействию с Курдистаном Саудовская Аравия позиционировала себя в качестве ключевого игрока в меняющейся динамике Ближнего Востока, заложив основу для прочного партнерства, которое будет определять региональную политику и экономику на долгие годы вперед.

Заключение

В заключение следует отметить, что динамика отношений между Саудовской Аравией и Региональным правительством Курдистана (РПК) претерпела значительные изменения со времен войны в Ираке 2003 года, кульминацией которых стал спорный референдум о независимости 2017 года и продолжается по сей день. Изначально обусловленные общей оппозицией режиму Саддама Хусейна и последующими усилиями по стабилизации послевоенного Ирака, отношения Саудовской Аравии и РПК развивались на фоне изменения региональной динамики и геополитических соображений.

После войны в Ираке Саудовская Аравия стала постепенно сотрудничать с РПК, рассматривая курдскую автономию как потенциальный противовес иранскому влиянию в Ираке. Экономические связи процветали, а саудовские инвестиции играли ключевую роль в развитии РПК, хотя и в рамках федеральной структуры Ирака. Однако референдум о независимости 2017 года стал определенной «проверкой на прочность» этих двусторонних отношений, поскольку Саудовская Аравия, наряду с другими региональными и международными игроками, выразила обеспокоенность потенциальными дестабилизирующими последствиями отделения курдов. Хотя Саудовская Аравия подтвердила свою поддержку территориальной целостности Ирака, она поддерживала диалог с РПК, признавая сложность курдских устремлений и необходимость инклюзивного управления в Ираке.

В перспективе будущее отношений между Саудовской Аравией и РПК остается неопределенным, которое также будет зависеть от развивающейся региональной динамики, внутренней политикой Ирака и более широких геополитических тенденций. Взаимодействие с РПК по вопросам, представляющим взаимный интерес, таким как сотрудничество в области безопасности и экономическое развитие, может создать возможности для конструктивного диалога и партнерства, поскольку Саудовская Аравия стремится сбалансировать свои стратегические интересы с региональной стабильностью.

Библиография

1. Abbas Zadeh, Yoosef, & Kirmanj, Sherko. (2017). The para-diplomacy of the Kurdistan Region in Iraq and the Kurdish statehood enterprise. *The Middle East Journal*, 71(4), 587–606. doi: 10.3751/71.4.14
2. Ahmed, Mohammed (2012). *Iraqi Kurds and nation-building*. New York: Palgrave Macmillan.
3. Ali, Othman. (2017). Iran and Barzani: Worsening relations and the risk of an inevitable clash? *Orsam Review of Regional Affairs*, 58, 1–14.
4. Al Jazeera. (2020). Iraq, Saudi Arabia reopen Arar border crossing after 30 years. Retrieved from <https://www.aljazeera.com/news/2020/11/18/iraq-saudi-reopen-arar-border-crossing-after-30-years>
5. Al-Rasheed, Madawi. (2006). Saudi Arabia and the challenge of the American invasion of

- Iraq, 153–161. Fawn Rick, & Hinnebusch Raymond (Eds.). *The Iraq War: Causes and consequences*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers.
6. Al-Rasheed, Madawi. (2015). *Saudi Arabia's foreign policy: Loss without gain?* London, UK: London School of Economics and Political Science, Middle East Centre.
 7. Al-Rasheed, Abdulrahman. (2017). Kurdish independence... fears and premonitions. Asharq Al-Awsat. Retrieved from <https://eng-archive.aawsat.com/abdul-rahman-al-rashed/opinion/kurdish-independence-fears-premonitions>
 8. Aras, Bülent, & Falk, Richard. (2016). Five years after the Arab Spring: A critical evaluation. *Third World Quarterly, Taylor & Francis Journals*, 37(12), 2252–2258. doi: 10.1080/01436597.2016.1224087
 9. Aslı Kelkitli, Fatma. (2016). Saudi-Iranian entanglements in the Persian Gulf: Is rapprochement possible? *The Turkish Yearbook of International Relations*, 47, 23–44. doi: 10.1501/Intrel_00000000306
 10. Ataman, Muhittin. (2003). The impact of non-state actors on world politics: A challenge to nation-states. *Alternatives Turkish Journal of International Relations*, 2(1), 42–66.
 11. Aydınli, Ersel. (2015). Assessing violent non-state actorness in global politics: A framework for analysis. *Cambridge Review of International Affairs*, 28 (3), 424–444. doi: 10.1080/09557571.2013.819316
 12. BBC. (2003). Saudis warn US over Iraq War. Retrieved from http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/2773759.stm
 13. Baumann Rainer, & Stengel Frank. (2013). Foreign policy analysis, globalisation and non-state actors: State centric after all? *Journal of International Relations and Development*, 17(4), 489–521. doi:10.1057/jird.2013.12
 14. Bongers, Rob. (2012). Iran's foreign policy towards post-invasion Iraq. *Journal of Politics & International Studies*, 8, 124–160.
 15. Buzan, Barry, & Waeber, Ole. (2003). *Regions and powers: The structure of international security*. New York: Cambridge University Press.
 16. Charountaki, Marianna. (2018). State and non-state interactions in International Relations: An alternative theoretical outlook. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 45(4), 528–542. doi: 10.1080/13530194.2018.1430530
 17. Daily Sabah. (2015). Former Saudi consultant reveals a plan to establish "Great Kurdistan". Retrieved from <https://www.dailysabah.com/mideast/2015/06/16/former-saudi-consultant-reveals-a-plan-to-establish-great-kurdistan>
 18. Dehghanpisheh, Babak. (2016). To Iranian eyes, Kurdish unrest spells Saudi incitement. Reuters. Retrieved from <https://uk.news.yahoo.com/iranian-eyes-kurdish-unrest-spells-saudi-incitement-114743642.html>
 19. GOV.KRD. (2021). PM Masrour Barzani meets with Saudi Arabian Ambassador to Iraq. Retrieved from <https://gov.krd/english/government/the-prime-minister/activities/posts/2021/september/pm-masrour-barzani-meets-with-saudi-arabian-ambassador-to-iraq/>
 20. Hermann, Frederick Eilts (2004). Saudi Arabia's foreign policy, 219–244. In Brown Leon Carl (Ed.), *Diplomacy in the Middle East: International relations of regional and outside powers*. London; New York: I.B. Tauris.
 21. Eisenstadt, Michael, Knights, Michael, & Ali, Ahmed. (2011). *Iran's influence in Iraq: Countering Tehran's whole-of-government approach*. Policy Focus # 111. Washington: Washington Institute for Near East Policy.
 22. Hawramy, Fazel. (2018). Will Riyadh-Tehran rivalry kill Iraqi Kurdistan's investment drive? Al-Monitor. Retrieved from <https://www.al-monitor.com/originals/2018/08/iraq-kurdistan-saudi-investment-iran.html>
 23. Gulmohamad, Zana. (2021). *The making of foreign policy in Iraq: Political factions and*

the ruling elite. London; New York: I.B. Tauris.

24. Hearst, David. (2017). How Saudi tried to use the Kurds to clip Iran's wings. Middle East Eye. Retrieved from <https://www.middleeasteye.net/opinion/how-saudi-tried-use-kurds-clip-irans-wings>

25. Homa, Ava. (2017). Saudis storm social media in support of Kurdistan Independence. Kurdistan 24. Retrieved from <https://www.kurdistan24.net/en/news/b341be09-9be6-4707-bdfb-dc4d7fd68ed4>

26. Mansour, Renad. (2018). Saudi Arabia's new approach in Iraq. Center for Strategic and International Studies. Retrieved from <https://www.csis.org/analysis/saudi-arabias-new-approach-iraq>

27. Özdemir, Volkan, & Raszewski, Slawomir. (2016). State and sub-state oil trade: The Turkey-Kurdistan regional government deal. *Middle East Policy*, 23(1), 125–135. doi: 10.1111/mepo.12178

28. Riamei, Lungthuiyang. (2015). *The Kurdish question: Identity, representation, and the struggle for self-determination*. New Delhi: KW Publishers Pvt Ltd.

29. Romano, David. (2020). Sub-state actors and foreign policy risk-taking: The Kurdistan Regional Government of Iraq. *Kurdish Studies*, 8 (2), 339–369. doi: 10.33182/ks.v8i2.533

30. Rudaw. (2016). Saudi Arabia opens Erbil consulate. Retrieved from <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/230220168>

31. Rudaw. (2018). Saudi Arabia eyes Kurdistan as starting point for investing in Iraq. Retrieved from <https://www.rudaw.net/english/business/240720181>

32. Stansfield, Gareth. (2014). *Kurdistan rising: To acknowledge or ignore the unravelling of Iraq*. Brookings Institution. Middle East Memo, 33.

33. The New York Times. (2007). Saudi King is said to be angered by Maliki. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2007/04/29/world/americas/29iht-royal.4.5493662.html>

34. Zeidel, Ronen. (2018). Iraqi-Saudi relations 2017–2018: Expectations and limits. *Middle East Policy*, 2(4), 49–56. doi: 10.1111/mepo.12376

35. Zeino-Mahmalat, Ellinor. (2012). Saudi Arabia's and Iran's Iraq policies in the post-Gulf war era: Re-thinking foreign policy analysis in the Gulf at the intersection of power, interests, and ideas. Universität Hamburg. Retrieved from <https://ediss.sub.uni-hamburg.de/handle/ediss/4606>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает курдский фактор в ближневосточной политике Саудовской Аравии. Авторы справедливо связывают высокую степень актуальности выбранной для исследования темы с дисперсностью проживания курдского населения на территориях разных государств, что имеет прямым следствием стремление курдов к обретению государственной автономии Курдистана, а это в свою очередь не может не сказываться на стабильности и безопасности указанных государств. Кейсу Саудовской Аравии в решении «курдского вопроса» дополнительную актуальность придаёт соперничество этого королевства с Ираном, резко активизировавшееся после войны в Ираке 2003 г. и утраты Багдадом роли фактора, уравнивающего влияние Ирана в регионе. Таким образом, выбранную авторами рецензируемой статьи тему следует признать и очень актуальной, и безусловно интересной. В качестве базовой методологии авторы декларировали системный подход, а также исторический, структурный и компаративный методы. Странно, что авторы

упоминают методы критической геополитики (хотя они парадигма критической геополитики обычно связывается с анализом дискурса, нарративов и проч. аспектов, связанных не столько с географией, сколько с ментальностью акторов геополитики, использования чего в рецензируемой статье не обнаруживается), при этом не указав институциональный метод, который действительно постоянно использовался в процессе исследования. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило авторам получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленном и проанализированном курдском факторе во внешней политике Саудовской Аравии в отношении сдерживания Ирана – авторы последовательно раскрывают использование этого фактора Саудовской Аравией в её стремлении уравновесить иранское влияние в регионе. С этим связан ещё один любопытный момент: расширяющееся взаимодействие Эр-Рияда с Региональным правительством Курдистана вплоть до формирования стратегического партнёрства, не ограничивающегося экономическими интересами. На этом фоне не менее интересна официальная поддержка Саудовской Аравией территориальной целостности Ирака после 25 сентября 2017 года. В структурном плане рецензируемая статья также не вызывает серьёзных нареканий: её логика достаточно последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - условная квалификационная часть (почему-то предваряющая «Введение», а не входящая в него) – «актуальность», «методология и методы исследования», «степень научной разработанности темы»; - «Введение», где проблематизируется курдский фактор в отношениях Саудовской Аравии, Ирана, Ирака, США и др. геополитических акторов в регионе; - «Идентичность курдов и вопрос их политического статуса», где даётся характеристика курдов как этнической группы, а также раскрывается история «курдского вопроса»; - «Влияние курдского вопроса на динамику внешней политики Саудовской Аравии по отношению к Ирану», где собственно реализуется авторский замысел по раскрытию значимости курдского фактора в политике сдерживания Тегерана Саудовской Аравией; - «Заключение», где резюмируются результаты проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль статьи научный. В тексте встречается некоторое количество стилистических погрешностей (например, повторы слов «...используются для установления исторических процессов, в рамках которых устанавливается...», «принятия решения... в процессе принятия внешнеполитических решений»; или просто неудачные выражения вроде «данная проблематика находится на продвинутом этапе научной разработки», или «эти материалы подчёркивают... последствия» (как можно подчёркивать сами последствия? – не их важность или разрушительность, а сами последствия?), или «беспрецедентный уровень, особенно усугубленный» (как можно усугубить уровень? усугубить, т. е. усилить можно фактор, а уровень только повысить или понизить); и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 35 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при анализе степени научной разработанности темы исследования.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные авторами результаты будут интересны политологам, социологам, конфликтологам, специалистам в области межэтнических отношений, мировой политики и международных отношений, а также студентам перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья

рекомендуется к публикации.